

СЕКЦИЯ VI. РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

УДК 94(47).08:256

Ю.А. Лысенко

**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИМПЕРСКИХ ПОЗИЦИЙ
РОССИИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)^{*}**

Предпринята попытка анализа религиозной политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве, проводимой во второй половине XIX – начале XX в., определены её этапы и представлена их качественная характеристика. В контексте имперской религиозной политики определяется место и роль православного миссионерства в Туркестанском крае, особенности его организации и структурного оформления.

Ключевые слова: Россия, империя, Туркестанский край, миссионерство, религия.

В середине XIX в. завершилось присоединение территорий Южного Казахстана и Средней Азии к России. Данный процесс вызвал необходимость разработки и реализации новой стратегии национальной политики, главным содержанием которой стала интеграция этнорегионов в общеимперское пространство, в том числе посредством политики «русификации». Безусловно, существовали различия в мотивах, времени проведения, интенсивности нивелирования регионов под общеимперский уровень. Но в целом, как отмечает А. Каппелер, прослеживалась «единая линия, рисующая законченный образ постоянно растущей, систематической административной унификации, культурно-языковой русификации ... с целью полного административного, социального и культурного объединения – слияния в одно целое всей Российской империи и её превращения в этнически однородное и цельное национальное государство» [1. С. 196–198].

Огромное значение в процессе интеграции национальных окраин в общеимперское пространство отводилось религиозной составляющей. На фоне охранительной политики государства в отношении православия и наступления на ислам, создания системы ограничений и противовесов его распространению в общеимперских масштабах религиозная политика во вновь присоединенном Туркестане имела несколько иную направленность и характеризовалась большею осторожностью и взвешенностью.

Региональная власть признавала значительную роль ислама в общественно-политической и куль-

турной жизни населения данного региона. Поэтому в 70–90-х гг. XIX в. нормой российского администрирования в крае являлся безусловный отказ от любых действий, которые могли бы расцениваться как выражение внимания к сугубо мусульманским институтам. В Российском Туркестане были сохранены три столпа исламской социально-религиозной системы: «... сеть мусульманских начальных и высших учебных заведений, которые обеспечивали воспроизводство религиозного знания; сеть мечетей и святых мест, обеспечивающих свободное отправление культа; сеть шариатских судов, обеспечивающих поддержание мусульманских норм жизни» [2. С. 166–167].

В некоторых вопросах имперские власти не просто демонстрировали веротерпимость, но и покровительствовали мусульманам данного региона. В инструкциях, направляемых в край, за призывом верности отечеству и престолу следовало требование проявлять справедливость к нуждам и интересам мусульман. В период завоевания Туркестанского края его жителям гарантировалась свобода вероисповедания. Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский приказывал мусульманам-военнослужащим молиться по исламскому закону. «По случаю наступающего праздника у мусульман Ураза-айт, я имею честь покорнейше просить господ начальников частей мусульманского вероисповедания, – писал Г.А. Колпаковский, – освободить от служебных обязанностей и приказывать им для совершения намаза ходить в мечеть» [3. С. 163]. Нередко российское правительство выделяло крупные средства на

^{*} Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00281 «Политика России в центрально-азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX – начале XX в.».

религиозные нужды мусульманского края, восстановление старинных мечетей и медресе. Благодаря проводимому курсу на рубеже XIX–XX вв. здесь росло количество культовых учреждений.

В то же время неотвратимо и верно Россия наступала на ислам в данном регионе. Так, по Положению 1886 г. рассмотрение гражданских дел между народами Туркестанского края было изъято из ведения туркестанских мулл и предоставлено народному суду. Одновременно был упразднен институт шейх-ул-ислама (исламского пастыря) – высшего авторитета в религиозных вопросах. Кроме того, были приняты меры по ограничению сферы мусульманского образования и как альтернатива ему – открытие в регионе сети русско-туземных государственных учебных заведений. А также санкционированы ограничения на создание и деятельность мусульманских просветительских обществ, на совершение паломничества в Мекку [4. Л. 81об.–82].

Существенное влияние на процесс децентрализации мусульман Туркестанского края оказали предпринятые государством в 80–90-е гг. XIX в. меры по организации крестьянской миграции. С 1894 г., после объединения России и Бухарского эмирата в таможенный союз и размещения российских пограничных гарнизонов на южных рубежах эмирата, последовала изоляция Средней Азии от остальной исламской цивилизации. Положение 1886 г. об управлении Туркестанским краем, так же как и Положение 1867 г., оставило без внимания вопрос о создании автономного института, курировавшего духовные дела мусульманского населения.

В результате все перечисленные меры способствовали, по мнению российских чиновников, умалению роли ислама в жизни мусульман Средней Азии. Ведущий специалист МВД по религиозным вопросам начала XX в. С.Г. Рыбаков отмечал, что «Туркестанская администрация, устраняясь от явного участия в религиозных делах населения, достигла того, что влияние мусульманского духовенства значительно ослабело не только среди оседлого населения: сартов, таджиков, но и среди кочевников, в связи с тем, что представители духовной среды – муллы и ишаны – лишены были всяких привилегий и официального статуса и низведены были до общего уровня обывателей: масса кочевников под влиянием своих обычаев, взявших верх над постановлениями шариата, стала возвращаться к обычному образу жизни и безразличию в области религиозной» [5. С. 281].

В рамках религиозной политики России в Туркестанском крае в правительственных кругах и

местной администрации в 70-е гг. XIX в. стал активно обсуждаться вопрос об организации в регионе антиисламской пропаганды. Центральная власть была убеждена, что для дальнейшего сокращения сферы влияния ислама на жизнь туркестанского мусульманского общества необходимо создание «противомусульманской православной миссии». Региональная власть, напротив, признавала данную идею бесперспективной и опасной. Генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман в этой связи в письме председателю Миссионерского общества от 16 января 1869 г. доказывал несвоевременность и невозможность реализации в регионе миссионерских задач: «Народонаселение Туркестанского края нельзя смешивать с теми народами, посреди которых приходилось действовать русским миссионерам в Алтайской, Забайкальской и Иркутской миссиях» [6. С. 93]. Главным препятствием на пути православного миссионерства К.П. Кауфман считал значительный уровень распространения среди местного населения ислама, переходившего в степень религиозного фанатизма. Кроме того, препятствием могла выступить территориальная отдаленность Туркестанского края от южно-сибирских окраин Российской империи. Этот фактор, по мнению генерал-губернатора, не позволил сформироваться устойчивым этнокультурным контактам между православным русским и мусульманским тюркским населением и не подготовил условий и «почвы» для распространения идей христианства.

Процесс освоения русскими Туркестанского края только начинался, крестьянская миграция всячески поощрялась местными властями, но при этом имела объективные препятствия. В результате в регионе оставалась фактически неразвитой церковно-приходская система, мало было православных храмов и церковнослужителей, что также могло выступить препятствием на пути успешного продвижения православной миссии среди местного населения.

Учитывая данные обстоятельства, К.П. Кауфман был уверен, что «вводить в Туркестанском крае христианскую русскую цивилизацию» необходимо, но при этом «не предлагать туземному населению православной веры». Стержнем религиозной политики в регионе, по его мнению, необходимо было признать принцип невмешательства в духовную и образовательную часть существовавших у народов Туркестана учреждений, и для объединения их с русским населением организовать учебные заведения, в которых дети инородцев могли бы совместно обучаться с русскими детьми; при этом имелось в виду преимущественно кочевое население края, как «более

восприимчивое к новой гражданственности и менее фанатичное сравнительно с мусульманским оседлым населением» [7. С. 404].

К.П. Кауфман полагал, что путем развития системы народного светского образования можно будет «...вывести кочевое население из-под опеки фанатизированного мусульманского оседлого населения... В этих же видах предполагалось ввести преподавание в русскую транскрипцию, заменявшую мусульманский арабский алфавит». Если бы удалось в значительных масштабах вовлечь в российскую образовательную систему казахское население, это дало бы повод «навесить на оседлых мусульман (сартов, таджиков, татар) ярлык консерваторов и реакционеров, противопоставив им просветленных европейской ученостью, в громадной мере русифицированных и политически лояльных казахов» [7. С. 403].

Несмотря на столь взвешенную позицию местных властей, в 1869 г. в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства возникла острая необходимость организации православной миссии, поводом к открытию которой послужили события внешнеполитического характера, а именно антицинские мусульманские восстания в Синьцзяне, что во многом определило своеобразие цели и задач ее деятельности.

Этническим ядром вспыхнувших в 60-е гг. XIX в. на территории Синьцзяна восстаний выступили уйгуры, дунгане и казахи. Оставшееся верным китайскому правительству пограничное население, которому грозила неминуемая гибель от рук повстанцев, вынуждено было искать убежища в пределах Российской империи. Спасшиеся маньчжуры, калмыки, сибиряки, солоньки и др. бежали на территорию Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства и были размещены в Копале, Верном и других населенных пунктах [8. С. 76–79]. Общее количество китайских эмигрантов, переселившихся в пределы Семиреченской области, составило 14 тыс. человек, в том числе «сибиряки и солоньки – 5500 душ и калмыков – 8500 душ». В сложившейся ситуации на повестку дня был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе эмигрантов, их расселении, наделении земель, устройстве быта, но главной проблемой стало определение социально-правового статуса эмигрантов [9. Л. 1–31].

В развернувшейся дискуссии начальники уездов Семиреченской области предлагали различные проекты «обустройства китайских эмигрантов» [10. С. 319–329], но в конечном итоге наиболее оптимальным оказался проект наказного атамана Семиреченского казачьего войска Г.А. Колпаков-

ского. Он исходил в разрешении вопроса общественного и бытового устройства китайских эмигрантов из того факта, что среди солоньки и калмыков имелись бывшие офицеры китайской армии, которые «владеют оружием». Вполне очевидно, что эта часть беженцев могла представлять определенную опасность и поэтому её необходимо было максимально нейтрализовать. Учитывая это обстоятельство, атаман предлагал предоставить эмигрантам право получения российского гражданства с последующим зачислением их в казачье сословие [11. С. 97–97об.]. После некоторых доработок данный проект был отправлен в Петербург и утвержден 29 мая 1869 г. Александром III.

Важным моментом принятия подданства должен был стать переход эмигрантов в православие. Данная практика широко использовалась Российской империей в XVII–XVIII вв. в отношении ко вновь присоединенным азиатским народам. Хорошо известно, например, о массовом крещении калмыков, которые переселились на территорию Российской империи в 1771 г. из Джунгарии, и столь же массовом зачислении их в казаки Оренбургского казачьего войска. Переход в православие и приписка к казачьему сословию, безусловно, рассматривались как гарантия преданности короне и являлись попыткой исключить возможность участия присоединенных народов в антиправительственных выступлениях.

В 1869 г. в Семиреченской области была создана специальная миссионерская структура – Казанско-Богородичное братство Туркестанской епархии (позднее Семиреченское православное братство), – призванная обеспечить успех обращения китайских эмигрантов в православие. Братство являлось организацией «открытого типа», число членов её постоянно увеличивалось. Например, в 1874 г. в его состав входило 111 человек, а к 1886 г. численность выросла до 194 членов. Покровителем братства выступал военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский, почетными членами – Митрополит Московский Иннокентий, архиепископ Могилевский Евсений, Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман [12. Л. 64]. Наряду с религиозной пропагандой среди «китайских» беженцев, братство значительное внимание уделяло созданию приюта и школы для их детей, обустройству быта и более успешной адаптации к местным условиям.

За непродолжительный период своего существования (до 1914 г.) Семиреченская миссия не ставила задачи организации активной антиисламской пропаганды среди казахского населения, что объяснялось близостью области к среднеазиат-

ским исламским центрам, наличием оседлого мусульманского населения, более консервативного и фанатичного, и стремлением властей избежать конфликтов на религиозной почве. Вплоть до 1914 г. она фигурировала в отчетах как автономная, даже после создания в 1913 г. Туркестанской православной миссии, и главной целью её деятельности была организация контроля над жизнью китайских эмигрантов. Среди местного населения были известны случаи перехода в православие, но они носили спорадический характер и не стали массовым явлением. Позиция властей по вопросу организации православного миссионерства в Туркестанском генерал-губернаторстве претерпела значительные изменения в начале XX в. Это было связано, прежде всего, с изменением внутривосточной ситуации, сложившейся в стране после первой русской революции 1905–1907 гг. Она характеризовалась ростом этнического самосознания тюркских народов империи и процессами их консолидации. При этом ислам выступал мощным фактором интеграционных процессов мусульман империи.

Несмотря на все предпринятые меры по ограничению распространения ислама в Туркестанском крае, его роль и значение в общественно-политической жизни общества неизменно росли. Под влиянием татар на базе мусульманского сознания народов Средней Азии выросла идея панисламизма и пантюркизма и сформировалось собственное мусульманское духовенство, которое объединилось в движении джаидов. Его идеология предполагала сближение русской культуры с культурой народов Востока на основе определенной свободы ислама, а также объединение мусульманского мира и тюркских народов [13. С. 18]. Джаиды пропагандировали ценности западноевропейской цивилизации, открывали в регионе «новометодные школы», в которых программой предусматривалось преподавание светских дисциплин, методика основывалась на европейских стандартах [14. С. 8].

Консолидация мусульман Центральной Азии и рост их политической активности привели к появлению в регионе политических организаций и движений, от национально-демократических до религиозно-националистических: «Шуро-и-Исламия» (Исламский Совет), «Шур-и-Улама (Совет духовенства)», «Иттихед ва-Тараки (Единение и прогресс)», «Уяма», «Алаш-Орда», «Туран» и др. Все они стояли на позициях панисламизма и пантюркизма, а в годы революционных потрясений в империи в 1917 г. выступили за создание независимых национальных государств.

Активизация общероссийского исламского движения в начале XX в. способствовала возобновлению дискуссии о необходимости организации православного миссионерства в Туркестанском крае. При этом речь шла о его антиисламской направленности и деятельности среди местного мусульманского населения. Первый Туркестанский епархиальный съезд 19 июля 1909 г. постановил «учредить в Туркестанском крае должность епархиального противомусульманского миссионера-проповедника». Это ходатайство в 1910 г. было представлено епископом Туркестанским и Ташкентским Дмитрием на миссионерском съезде, состоявшемся в Казани. На съезде работала специальная «Туркестанская секция», на которой активно обсуждались вопросы организации антиисламского православного миссионерства в Туркестанском генерал-губернаторстве, необходимости устройства русско-туземных школ в крае и установления правительственного надзора за мусульманскими школами [15. С. 42–44].

Результатом работы секции стало утверждение постановления о мерах борьбы в Туркестанском крае с исламом, к числу которых были отнесены «усиление миссионерских сил в крае и учреждение должности специального противомусульманского миссионера, с содержанием от казны» [15. С. 44]. Указом Синода от 12 апреля 1912 г. решение Казанского миссионерского съезда приняло силу закона [17. Л. 134].

Деятельность миссионера Туркестанской миссии была сопряжена с определенными трудностями, поскольку работа проводилась среди многочисленного мусульманского населения региона. Поэтому главная цель миссии виделась «не в присоединении к православию, а в благовестовании», основным методом работы становилась «скрытая, завуалированная» пропаганда. Так, например, 1913 г. миссионер Туркестанской миссии П. Елисеев писал: «...чтобы не возбуждать фанатизма пришлось быть осторожным и ограничиваться скромной программой. Все жители Туркестанского края прекрасно знали, что утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем содержало параграф о неприкосновенности религии и свободе вероисповедания для жителей края. Во всеподданнейшем докладе генерал-губернатора Туркестанского края от 4 мая 1871 г. религиозное состояние населения Туркестанского края было охарактеризовано как «самое фанатичное в свете». Поэтому миссионеру-проповеднику приходилось в ходе работы избегать «публичных бесед», ...Больше велись беседы частные в квартире

миссионера или у туземцев в их домах или садах» [17. Л. 135].

Кроме пропаганды православия, деятельность миссионера сводилась к знакомству с муллами, учениками медресе, мектебов, к подготовке готовящихся к крещению, религиозно-нравственному просвещению русских крестьян-переселенцев, распространению книг религиозного содержания, изданных Миссионерским обществом, написанию в «Туркестанские епархиальные ведомости» статей с целью привлечения к православному миссионерству местного православного населения [16. Л. 134об.]. Благодаря активной работе Елисеева, в Туркестанской епархии была образована небольшая переводческая комиссия, сотрудниками которой выступали ученики Туркестанской учительской семинарии. Помощь в работе миссии оказывали Ташкентский Никольский миссионерский женский монастырь и Исык-Кульский Свято-Троицкий мужской монастырь. С 1913 г. П. Елисеевым велась активная работа по подготовке к открытию первого миссионерского стана в Туркестанской епархии, который должен был располагаться в Ташкенте [16. Л. 137]. Однако начало Первой мировой войны не позволило осуществиться этим планам. Миссия постепенно свернула свою деятельность, так и не начав активной антиисламской пропаганды в регионе.

Таким образом, в процессе интеграции Туркестанского края в общеимперское политико-правовое пространство религиозной политике, проводимой Россией в этом регионе, отводилась значительная роль. В условиях сильного влияния исламского фактора на общественно-политическую жизнь населения края, главным содержанием этой политики стал отказ от активного вмешательства в их духовную жизнь, лояльность и веротерпимость, некоторая финансовая поддержка при завуалированном поэтапном демонтаже исламских институтов и структур. На фоне общего развития в империи миссионерства Русской православной церкви среди инородческих народов его роль и место в религиозной политике России в Туркестанском крае приняли специфические формы и методы работы. Во второй половине XIX в. местные власти считали небезопасным открытие православной миссии в регионе, сдерживали этот процесс. Поэтому созданная в 70-е гг. XIX в. Се-

миреченской области Туркестанского генерал-губернаторства Сарканская (Семиреченская) православная миссия распространяла свою деятельность на китайских эмигрантов из Синьцзяна и не ставила задачи обращения в православие местное мусульманское население края.

Форсирование событий по созданию антиисламской миссии местные власти начали после событий первой русской революции, что было связано с интеграционными процессами среди мусульман империи и ростом влияния ислама на их общественно-политическое развитие. Однако образованная в 1912 г. Туркестанская миссия вынуждена была вести скрытую пропаганду идей христианства и не оказала заметного влияния на религиозную жизнь края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М., 2003.
2. Шкуров Ш., Шкуров Р. О воле к культуре // Центральная Азия и Кавказ. 1998. № 321.
3. Земля потомков патриарха Тюрка. М., 2002.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 180.
5. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. А.Ю. Арапова. М., 2002.
6. Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы, 2005.
7. Батунский М.А. Россия и ислам. М.: Прогресс-традиция, 2003. Ч. II.
8. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003.
9. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5637.
10. Лысенко Ю.А. Проблема устройства китайских беженцев в Семиреченской области в 1868–1874 гг. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 2008.
11. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5644.
12. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 299.
13. Полонская Л.Р. Единство и многообразие ислама // Восток. 1994. № 26.
14. Абазов Р. Исламское возрождение в Центрально-азиатских независимых государствах // Политические исследования. 1995. № 23.
15. Из постановлений Миссионерского съезда в Казани // Омские епархиальные ведомости. 1910. 15 июля. № 14.
16. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 175. Оп. 1. Д. 158.